

славянскай мовы. Відавочна, юнацтва яго праходзіла ў этнічна бліжкім славянскім асяродзі.

Такім чынам, падагульняючы гэтыя факты, можна са значнай ступенню верагоднасці сцвярджаць, што да сваёй місіянерскай дзейнасці нашы першаасветнікі былі падрыхтаваны ўсім сваім жыццёвым лёсам, усім сваім духоўным і маральным вопытам. Яны маглі разлічваць не толькі на ўласныя сілы, дасканаласць веданне стараславянскай мовы, рэгіянальнай спецыфікі і бытавых умоў усходніх славян, але і на падтрымку і разуменне навакольнага асяроддзя, на людзей, якім неслі яны святло праўды Хрыстовай, новую хрысціянскую мараль, новую гуманістычную этыку.

Желунович Е.А., доцент, Белорусский университет культуры

ВЛИЯНИЕ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ГРАММАТИЧЕСКУЮ И СЕМАНТИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ СРАВНЕНИЙ В “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО”

Обращение Карамзина к историографии Российского государства было закономерным в развитии его общественных и художественных интересов. Еще в статье “О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств” (1802) Карамзин рекомендовал русским художникам ряд тем из отечественной истории, которые он хотел бы видеть воплощенными в произведениях живописи. Главную же задачу писателя, обратившегося к историческому материалу, Карамзин видел в том, чтобы значимые для истории события сделать предметом эстетического наслаждения, извлечь из них высший “идеальный смысл”. В предисловии к “Истории Государства Российского” Карамзин пишет: “Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а

мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал переданное нам веками соединить в систему ясную стройным сближением частей...”. Подчиняя свое изложение этой трудной задаче, Карамзин стремился соблюдать раздельность подачи летописного и собственного исторического комментариев. Однако такое двойственное описание не всегда удавалось. И избранный писателем принцип “искать выражений в уме своем” нарушался. Иногда летописный источник становился образцом подражания. “История Государства Российского” стала новым явлением в русской литературе, по определению Ю.М.Лотмана, “эпически-образным полотном, написанным, как поэма в прозе”.

Глубокое жанрово-стилистическое своеобразие “Истории Государства Российского” (далее “История”) сказалось в использовании сравнений: в различной употребительности тех или иных структурных типов сравнений, в соотношении языковых (фразеологизированных) и индивидуально-речевых сравнений, в тенденции образного видения и лексического наполнения сравнений.

Анализ синтаксической организации сравнительных конструкций показал, что в “Истории” соотношение союзных и несоюзных типов существенно уравнивается. Это позволяет говорить о повышении роли лексических и предложных показателей сравнения в данном тексте. Определенный сдвиг к упрощению оформления сравнительных отношений несоюзными показателями, которые по своей природе древнее союзных, является одним из проявлений намеренной стилизованности текста “Истории” под старину. Преимущественное использование конструкций со сравнительным оборотом как наиболее простых и компактных структур, выражающих сопоставление по степени признака, придает комментариям Карамзина лаконичность. Они не контрастируют с летописными иллюстрациями в “Истории”, например: “Пылая гневом, Ольговичи, как тигры, свирепствовали в южной России”; “Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных

сторон облегла Киев”; “Смоленск и Брянск уже давно зависели некоторым образом от Литовскаго княжения, как союзник слабый обыкновенно зависит от сильного”.

Интересным представляется отношение Карамзина к конструкциям с предлогом “подобно”, которые выражают отношения подобия. Они являются наиболее распространенными в кругу несоюзных сравнений. Первое употребление предлога “подобно” отмечено у А.Н.Радищева в “Путешествии из Петербурга в Москву”. Но в середине XVIII века для слов “подобно” и “подобен” не установилось четкого разграничения их синтаксических функций: функции предлога, прилагательного и союза у них еще не дифференцировались и наблюдается их смешение. Иная картина у Карамзина: предлог “подобно” широко употреблен в тексте “Истории”, причем его синтаксическое применение не отличается от норм современного русского языка. Ср.: “Древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников”; “Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться”; “Россияне, подобно нам, соединяли торговлю с грабежом” и др.

В таких конструкциях сам факт сравнения выступает менее значимым и представляет дополнительную (иногда отвлекающую от основного содержания высказывания) информацию. Однако данная конструкция является верным способом для историографа отразить фактическую, реальную сторону действительности, зафиксированную в летописях, и высказать собственные замечания и оценки, не прибегая к пространным рассуждениям и отступлениям.

Непосредственный интерес для исторического описания сравнений по хронологическим периодам развития литературы и по ее отдельным жанрам представляет лексическое наполнение карамзинских сравнений и их функций. Как известно, образное сравнение возникает при взаимодействии лексико-семантических компонентов по общему признаку —

основанию и направлено на усиление степени художественного воздействия проведенного сравнения. Необразное сравнение — это пример установления сходства или различия сопоставляемых предметов, содержание информации которого соответствует лишь одному логическому понятию и никаких дополнительных представлений и ассоциаций не вызывает. Последовательный анализ всех сравнений с учетом указанных характеристик и с опорой на лексикографическую информацию приводит к определенным выводам. Во-первых, в “Истории” отчетливо прослеживается более высокая употребительность необразных сравнений (73,4%). Доля образных сравнений составила 26,3%. Поскольку два типа имеют конкретные различия функций, выполняемых ими в тексте, то сопоставление их употребительности приводит к выявлению черт жанрово-стилистического своеобразия “Истории”. Преобладание необразных сравнений говорит о более логическом, информативном, т.е. о более научном характере изложения, для которого важна стилистическая установка на объективность и достоверность.

Образный корпус сравнений в “Истории” Карамзина неоднороден. С точки зрения фиксированности лексического состава, воспроизводимости и связанного с этим характером сравнительного значения сравнения подразделяются на две основные группы — общеязыковые и речевые. Однако, принимая во внимание, что язык — это постоянно развивающаяся система нежесткого типа, допускаем возможность существования сравнений промежуточного вида. Это полуфразеологизированные сравнения, обладающие рядом общих черт с языковыми (фразеологизмами) и речевыми (индивидуально-авторскими).

Общеязыковые и полуфразеологизированные сравнения по-разному употребляются в тексте “Истории”: без изменения их семантики и структуры и в преобразованном виде. Рассмотрим примеры с традиционным лексическим составом компонентов и семантическим значением. “По знаку убийцы

бросились, как тигры, на Михаила, били его в сердце, топтали ногами”— ср. устойчивое сравнение в словаре В.М.Огольцева “бросаться”, “набрасываться на кого-либо как тигр” [1984, 142] и в словаре Д.Н.Ушакова в качестве иллюстрации к слову “тигр”— бросился на врага как тигр [СУ, 4,705]. Непосредственная связь с традиционными поэтическими образами “как море”, “как волны” в изображении военных событий, народных волнений прослеживается в следующих примерах: “Бесчисленные толпы сих варваров (монголов), как волны, стремились одна на другую, чтобы со всех сторон окружить неприятеля”; “Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев”; “Явились варвары бесчисленные, пришельцы от стран никому не известных, подобно тучам насекомых” [А.Н. Веселовский в исследовании поэтики “Илиады” отмечает древнее происхождение сравнения: “беспокойства данайцев с морем, героя со львом, врагов с насекомыми”]. Примером авторского преобразования фразеологизма с архаическими компонентами “погибоша, аки обри” является высказывание: “Варвары, как гунны Аттилины, аки Обры, исчезнут, сокрушенные или внутренним междуусобием, или общим усилием государей европейских”. Обновление союза “аки” и замена архаического глагола “погибоша” близким по смыслу, но современным “исчезнут” не затрагивают семантический план сравнения, однако существенно меняют его стилистическую окраску. Происходит своеобразное приспособление фразеологизма к новым условиям контекста.

Различия в употребительности общеязыковых, полуфразеологизированных и речевых сравнений в “Истории” Карамзина является естественным показателем меры традиционности текста в противовес такой черте, как индивидуально-творческое отношение к художественно-выразительным задачам коммуникации. Так, в “Истории” удельный вес речевых сравнений составил только 13% от общего количества образных сравнений. А если учитывать, что большая

часть полужаргемизированных сравнений не преобразуется, то есть все основания говорить, что в тексте “Истории” образность сравнений формируется в рамках традиционных употреблений. Это, в свою очередь, подчеркивает намеренное стремление Карамзина к внешне простому (без излишней художественной красоты) выражению мыслей в тексте.

Заслуживает внимания и семантическая структура сравнения, которая рассматривается с точки зрения отношений компонентов (референта и агента) друг к другу, их взаимосвязи и отношения сравнения к контексту. В “Истории” выявлено 12 семантических типов сравнений в зависимости от принадлежности референта (то, ЧТО сравнивается) и агента (то, С ЧЕМ сравнивается) к одной из шести лексико-семантических групп (“человек”, “явления живой природы”, “явления неживой природы”, “культура”, “мифологические имена”, “вещи”). Распределение референтов сравнения по указанным классам показывает тематическую сторону описания, попадающую в сферу влияния тропа. В “Истории” круг тем, охватываемых референтом сравнения, сужается. Карамзин сосредоточивает внимание на человеке (84,3%). Показательно, что основным источником создания образов также является группа “человек” (50,6%), в которую входит лексика, отражающая характерные черты, действия и поступки определенной категории людей (вор, завоеватель, злодей, невольник, преступник, разбойник и др.). Менее значимыми по употребительности оказались группы “явления живой природы” (15,7%), “явления неживой природы” (14,5%) и “мифологические имена” (10,8%). В “Истории” основным мотивом сопоставления в лексико-семантической группе “человек”—“человек” является описание поступков и отношений между людьми. Проявление отеческой заботы князей к своему народу, дружеские отношения с близкими людьми нашли отражение в различных сравнениях: “Государь веселился с народом, как добрый отец среди любезного ему семейства”. В сравнениях раскрывается также отношение народа к своим

правителям: “Великий Князь вошел в столицу, славимый, ласкаемый народом, как отец детьми”. Примером описания жестокости служат следующие высказывания: “Игорь обирал народ ему подвластный, как хищный завоеватель”; “Луку умертвили жители, как разбойника”.

Таким образом, бережное отношение Н.М.Карамзина к летописным источникам, строгий историзм в подходе к изображаемому времени во многом объясняет избирательность подхода Карамзина к выбору сравнений, семантика которых близка предметам и явлениям действительности, представленным в “Истории”. В центре сравнений — конкретные исторические лица, от деятельности которых зависит дальнейший ход развития истории. Основными источниками образной характеристики человека являются сферы “человек” и “природа”. Все лица, поступками которых движут алчность, злоба, хитрость, ярость, зависть, непременно сравниваются с хищными животными (как хищный зверь, лютый тигр, свирепый лев и т.п.). При этом зооморфизмы употребляются в контексте отрицательной оценки. Уподобление образов персонажей животным можно рассматривать как прием исторической стилизации, так как корни подобного явления уходят в далекое прошлое. Для характеристики лиц, проявляющих героизм, жизнелюбие, щедрость и заботу о ближнем и своем народе, Карамзин обращается к традиционным образам, являющимся носителями лучших нравственных качеств, жизненной мудрости (как отец, брат, сын, герой). В целом сравнения в тексте “Истории” просты по структуре, динамичны, эмоционально сдержанны, максимально информативны и обращены к летописному материалу.